

ОНА до сих пор бережет расписку, выданную ей ответственным за хранение оружия. В маленьком — с пару спичечных коробков — вилке значится, что от прапорщика медицинской службы Старковой принят на хранение автомат Калашникова складной за номером 01865. И я, рассматривая листочек, почему-то некстати вспомнил, что еще год-другой после службы мог в любое время суток отбарабанить номер своего «Калашникова», даже в шифрах автоматических камер хранения использовал эти цифры. А вот Людмила Петровна — нет, так и не запомнила. Да и ни к чему это, ведь в ее руках было другое оружие: медицинские инструменты.

Первое впечатление от службы — это всегда впечатление от пересылки и сборного пункта. Пермский сборный пункт запомнился Старковой многолюдьем, суетой и галдежом. Вглядываясь, она отметила с облегчением: женщин хватало, значит, не одна такая, сменявшая белый халат гражданской медсестры на полевую форму армейского медицинского специалиста. Но когда позвали строиться афганскую команду, она оказалась в плотной толпе мужчин в одиночестве — яркая блондинка среди, казалось бы, однородной массы мужчин. А сзади, из команд, готовящихся сесть в комфортабельные «ТУ», чтобы лететь служить в Венгрию, ГДР, Чехословакию, неслось насмешливое: автомат, мол, не забыла?

У каждого «афганца» был свой Афган. Для прапорщика Л. П. Старковой Афганистан — это три с половиной года ночных дежурств, процедур, снова дежурств, выходов на «боевые» и снова процедуры для капризных инфекционных больных. Дни летели за днями, месяцы за месяцами, и порой не верилось, что не в чужой, а в ее жизни совсем недавно была спокойная работа на должности старшей сестры в одной из пермских поликлиник, долгие раздумья перед тем, как пойти в военкомат, и советы доброжелательных военкоматов: «Зачем вам соотчужен, что там зарабатываешь? Афганистан — другое дело: масса льгот, чеки!» Пожала плечами и согласилась. Афган так Афган.

— Людмила Петровна, гложет ностальгия по Афганистану, тем отношениям?

— Знаете, многое там было по-другому. Многое. Но жалеть о том, что было... Нет! Парни, знаю, страшно мучаются оттого, что вместе со службой в Афганистане ушло какое-то братство, единение. Многие желают повторить все, что было, а я вот не хотела бы туда снова.

Это потом она почувству-

ет, еще раз подчеркнув свою нелетность. Таможня ханжески запретила ввозить из Союза водку и... записи Розенбаума, а в военных городках они звучали с каждой второй кассеты. Начальство не рекомендовало даже говорить с местным населением, а само не чуралось взаимовыгодного обмена товарами с торговцами.

— Довелось мне раз лететь в Союз в отпуск в августе 1987 в «Черном тюльпане». До сих пор не забуду, как упрашивали летчиков взять меня. В салоне четыре гроба, рядом сидят сопровождающие, некоторые ранены. Самолет перед этим попал под обстрел, фюзеляж продырявлен. Летчики не давали никаких гарантий, долетим ли. Долетели, сели в Фергане.

СЕСТРА

ет, что при всей внешней доброжелательности существует какая-то недосказанность между вольнонаемными служащими и военными, особенно солдатами. А когда только попала в баграмский инфекционный госпиталь, все удивлялась: то термометр солдата «заогнать» в ближайший луган, то демонстративно проигнорировать процедуры. А может, это шло оттого, что она женщина, а видеть женщину на войне, да еще молодую... Но их там было много — русских женщин, в одном госпитале почти полторы сотни: сестры, прачки, буфетчицы, официантки. И война не разделила свои жертвы по половому принципу. Людмила Петровна вспоминает, как на ее памяти обстрелили в колонне медсестру, досталось и продавшие восторга.

И вот знакомую медсестру подкараулила смерть. Смерть была нелепа: пулю выпустил пьяный прапорщик, неумело разряжавший пистолет в соседней комнате. Женщина была смертельно ранена, долго мучилась. И все, кто был вокруг, знали, что ее Афган — это стремление спасти от призыва в эту страну единственного сына. Таково было правило: если на чужбине служил один член семьи, то другой оставался в Союзе. Сын так и не попал в Афганистан, прикрытый своей матерью. И таких женщин там было немало.

— За запахом тайги» в Афган редко кто ехал. Были, были, конечно, и роман-

ти, но в основном толкало туда безденежье, стремление заработать. А женщин еще и одиночество. Желтуха, брюшной тиф, дизентерия, малярия, а не пули молчаедедов были главным бичом для сорочковой армии. И надо признать, военная медицина оказалась поначалу не на высоте в схватке с экзотическими для нас болезнями. Это потом появились стационарные госпитали, импортные

лекарства, а поначалу шприцы на кострах кипятили. Старкова провела в зараженных модулях три года, но пренесло — не заболела. Зато болели подруги, улетали в Союз с подорванным здоровьем, без «афганских» льгот, как будто возвращались не с войны, а с нелюбимой командировки на курсы повышения квалификации.

Нет, уверена Людмила Петровна, дело не в льготах, а в отношении к ним, ветеранам Афганистана. Что уж приятного, когда твое удостоверение подозрительно листают в очередях, проверяя, не поддельное ли!

Людмила Петровна всерьез раскладывает на столе фотографии. С серых и нерезких любительских снимков глядят лица ее подруг, офицеров — коллег по госпиталю, пациентов. Вот конкурент на лучшую медсестру, вот выступает Валерий Леонтьев. А здесь свадьба Ирины Казаковой, сестры-хозяйки из пятого отделения, и прапорщика Сережи. А вот Таня не дождалась свадьбы: вертолет, в котором летел единственный для нее офицер, рухнул на взлетку после столкновения с другой машиной. Каждое фото — это зарубка на память, а может быть, и рубец на памяти, шрам, от которого не избавиться теперь никогда.

Нет, нам, не побывавшим в их шкуре, никогда до конца не понять психологию «афганца». Наш мир, отразившись в афганском зеркале, исказился и перевер-

нулся, еще раз подчеркнув свою нелетность. Таможня ханжески запретила ввозить из Союза водку и... записи Розенбаума, а в военных городках они звучали с каждой второй кассеты. Начальство не рекомендовало даже говорить с местным населением, а само не чуралось взаимовыгодного обмена товарами с торговцами.

— Довелось мне раз лететь в Союз в отпуск в августе 1987 в «Черном тюльпане». До сих пор не забуду, как упрашивали летчиков взять меня. В салоне четыре гроба, рядом сидят сопровождающие, некоторые ранены. Самолет перед этим попал под обстрел, фюзеляж продырявлен. Летчики не давали никаких гарантий, долетим ли. Долетели, сели в Фергане.

Особенно четко помнит, как выводили из республики. Потери в этот период были особенно велики, часть постоянно обстреливали, ребята просто озверели. Армия выходила, сокрушая все на своем пути. Из Баграма в Кабул улетали в кромешной темноте, без огней. Наверное, так и положено было выходить армии. По ним стреляли. Они стреляли. Под крылом оставалась обжитая, но так и не ставшая близкой земля.

Людмила Петровна долго — несколько месяцев — сомневалась, стоит ли идти в редакцию, говорить на эту тему. И дело не просто в том, что трудно вспомнить войну. О женщине на войне у нас подчас представление одиозное: «Боевая подруга!» Так говорят, криво усмехаясь, те, кто не ползал с автоматом под огнем и не задыхался от пыли в раскаленном бэтэзере. Так говорят лишь потому, что издалека не дано почувствовать, какой ношей легла та «неизвестная» война на женские плечи.

А на память о нашем разговоре Людмила Петровна Старкова подарила яркую пакистанскую открытку с загадочно улыбающейся актрисой. Не гильзу, не сплющенный осколок эрса, а обычную открытку с пакистанской актрисой. Потому что открытка красивее осколка.

Г. ГРИГОРЬЕВ.